

М.В. Горина

(Московский государственный университет)

История Болгарии в трудах князя М.А. Оболенского

Представитель древнего и знатного дворянского рода князь Михаил Андреевич Оболенский (1805–1873) обогатил науку прежде всего трудами по отечественной истории, в частности, истории летописания на Руси. В то же время его можно назвать и историком-славистом в самом широком смысле этого слова, в том числе – болгаристом. К сожалению, на поле историографии М.А. Оболенский полузабыт, точнее – почти забыт: кроме вышедшей в 1873 г. небольшой монографии о нем Н. Костомарова¹ да скудных строчек в биографических словарях² в копилке историографии ничего более существенного обнаружить невозможно. В то же время, обращение лишь к одной части его обширного научного наследия, а именно болгаристическим штудиям ученого, позволяет сделать вывод о солидном вкладе М.А. Оболенского в изучение проблем средневековой болгарской истории.

Вполне вероятно, что интерес в болгарскому прошлому пробудился у Оболенского в силу того, что ему довелось сражаться на болгарской территории под Варной во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В одном из боев 16 сентября 1828 г. он был ранен в ногу и в силу этого вынужден был отказаться от военной карьеры и перейти на гражданскую службу, которая сложилась вполне благополучно: в 1833 г. он начал работать в московском Главном архиве министерства иностранных дел, где, последовательно продвигаясь по служебным ступеням, занял пост директора (с 1840 г.). Близость к архивным сокровищам инициировала исследовательскую мысль ученого, в том числе его обращение не только к отечественному, но и болгарскому Средневековью, его богатому культурному наследию. Именно работа в архиве МИД позволила Оболенскому открыть ценный памятник – сборник конца XV в., являющийся копией с более древнего памятника, условно датированного 1262 г.³ В составе «сборника» обнаружился Хронограф, многие части которого прямо относились к болгарскому Средневековью, точнее блистательному времени болгарского царя Симеона (894–927). Так, источник частично включил Шестоднев Иоанна Экзарха – болгарского писателя Симеоновой поры. Вслед за К. Калайдовичем и П. Шафариком

ученый обращает внимание на удивительную запись в Архивском Хронографе, повествующую о деятельности болгарского пресвитера Х в. Григория. Запись такова: «книги Завета Божия Ветхаго, сказующие образы нового Завета истину сушу, преложиши от гречьска языка в словенски при князи бльгарском Симеоне сыне Бориши, Григорием прозвитером мнихом всех церковник бльгарских церквей повелением того князя Симеона истиннаго реши боголюбца»⁴. Эти сведения о литературной деятельности пресвитера Григория вызвали обширную дискуссию в научном сообществе, в которой Оболенский принял самое активное участие. Более того, продолжая изучать личность и дело пресвитера Григория, историк пришел к выводу о пребывании Григория в свите русской княгини Ольги и посещении им византийской столицы вместе с княгиней Ольгой⁵.

Еще один важнейший источник, в котором Оболенский обнаружил следы болгарского прошлого, привлек его внимание. Это был «Летописец Переяславля-Суздальского» (XV в.), опубликованный затем ученым⁶. В тексте Летописца обнаруживается запись все о том же пресвитере Григории: «Ибо говорит книга Царская Григорием мнихом о Соломоне что имел он жен восемьсот, а наложниц триста»⁷. Важно подчеркнуть, что Оболенский публикует Оглавление всего Сборника, имеющее важное источниковое значение. Так, судя по Оглавлению, в составе Сборника входил и знаменитый памятник, составленный в канцелярии болгарского князя Симеона – «Изборник Симеона». Еще раз подчеркнем важность опубликованного Оболенским Оглавления: поскольку эта публикация дает редкостную возможность сравнить указанный источник с Оглавлением известного Изборника Святослава-Симеона 1073 г., возникают основания для вывода о специальном интересе составителей Архивского сборника к раскрытию духовной стороны этого источника. Подтверждение находим в тексте. Так к заголовку – «Из Второзакония в Изборник 1073 г. добавлена фраза «Как бояться Бога». Сравнение можно продолжить и обнаружить добавочные фразы, имеющиеся лишь в опубликованном Оболенским Оглавлении Архивского свода, а именно – «об «очищении грехов», «как с правдою входить в церковь», «как на Бога уповати», «как Бог любовь приемлет» и т. п.⁸. Упомянутый и введенный в научное обращение Оболенским источник дает право на заключение, что раскрыть содержание сложнейших Библейских книг и сочинений видных византийских проповедников и богословов, представленных в Изборнике Святослава-Симеона, мог лишь высокообразованный человек, имеющий скорее всего духовный сан и наделенный властью, поскольку в указанных добавочных фразах просматривается сильная нравственно-назидательная сторона и прямое обращение к слушателям или читателям.

В 1875 г. достойным изучению общественной стали материалы архива Оболенского, опубликованные его дочерью княгиней Анной Михайловной Хилковой в книге «Исследования и заметки князя М. А. Оболенского по русским и славянским древностям». Рукописные материалы ученого содержат обширные сведения о месте болгарской истории в русских летописных сводах, о появившихся в Первом Болгарском царстве первых славянских азбуках – глаголице и кириллице, близости и взаимовлиянии болгарской и русской культур. В архивных материалах князя находим его отзывы о важном памятнике болгарского средневековья – «Именинике Болгарских ханов», с которым ученый ознакомился благодаря публикации источника в книге русского слависта А. Н. Попова.

На наш взгляд, важно обратить внимание на источниковедческие приемы исследований ученого, так как, утверждая, что болгарский пресвитер Х в. Григорий имел сан епископа, Оболенский привлекает для сравнения титулатуру русского епископа Иларiona, именуемого, как и Григорий, «пресвитер и мних», а также свидетельства византийского писателя Константина Багрянородного (X в.)⁹.

Полагая, что болгарский пресвитер имел отношение и к составлению Изборника Симеона, Оболенский обращается к важной проблеме, а именно, созданию самого памятника и его дальнейшей судьбе. Исследователь в данном случае опирается на сведения, сообщаемые русским историком С. П. Шевыревым. Дело в том, что Шевырев во время своей поездки в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. обнаружил в монастырской библиотеке рукопись, точнее один из списков (XV в.) знаменитого Изборника. Открытие имело важнейшее значение, т. к. в предисловии к тексту впервые читалось имя болгарского царя Симеона, а не русского князя Святослава. Оболенский воспроизводит текст предисловия, посвященного болгарскому царю. Основываясь на предисловии, Оболенский заключает: «Вполне очевидно, что русский переписчик 1073 г. перенес в свой список подпись болгарского списка, заменив только имя Симеона именем русского князя, для которого списывал»¹⁰. Закономерно возникает вопрос, с какой рукописи переписывал свой текст монастырский переписчик в середине XV в.? С. П. Шевырев полагал, что оригинал Кирилло-Белозерского списка следует искать в одном из монастырей Афона. Оболенский в свою очередь считал, что он возник, скорее всего, на Руси в 60-е годы XIII в., когда интерес к средневековой болгарской книжности был весьма велик. Заключение Оболенского по поводу оригинала Изборника было следующим: «Окончательное разрешение вопроса... предстоит в настоящее время славянским филологам-специалистам, и эта задача при существующих теперь данных не представляет особенных затруднений

Известно, во-первых, где хранятся списки, как греческого подлинника, так и славянского перевода, во-вторых, открыты переводы других сочинений с греческого на славянский, принадлежащие несомненно одни Иоанну Экзарху болгарскому, другие Григорию пресвитеру-мниху Итак, чтобы решить этот вопрос, стоит только тщательно сличить перевод сборника в филологическом отношении с другими известными переводами того и другого болгарского писателя»¹¹.

Вновь и вновь возвращаясь к деятельности болгарского пресвитера, Оболенский полагает, что распад целостного творения Григория на отдельные кодексы – следствие полемических нападок греков на славянскую культуру в период Средневековья. Следует подчеркнуть, что не только уникальная деятельность болгарского пресвитера Симеоновой поры, но и масштабная панорама болгаро-русских культурных связей средневекового периода привлекла внимание М.А. Оболенского

Естественно, что на этом исследовательском поле возникала проблема Кирилло-Мефодиева наследия в Болгарии и на Руси. Ученый обращался к вопросу и ныне стоящему перед славистами: «когда и какими путями болгарские книги впервые появились на Руси?» В поисках ответа Оболенский опирается на выводы, сделанные чешским историком П.И. Шафариком, цитируя их в своих исследованиях: «Желательно было бы, – говорит знаменитый славист, – чтобы исследователи наши обратили свое внимание на имена таких знаменитых и заслуженных мужей, каковы ученики и преемники седмочисленников: болгарский епископ Константин, пресвитер Григорий, Экзарх Иоанн, Черноризец Храбр, монах Федор Доксов или Дукс и другие продолжатели святого дела семи первоучителей славянских со свв. Кириллом и Мефодием во главе их»¹². Появление в 1824 г. труда К.Ф. Калайдовича, открывшего ученому миру личность и творчество болгарского писателя X в. Иоанна Экзарха, Оболенский оценил как «первый свет в литературной пустыне». Историк анализирует и оценивает государственную и просветительскую деятельность болгарского царя Симеона, полагая, что «вспыхнувшая ярко лишь на самое короткое время самобытная государственная жизнь Болгарии угасла в ней вскоре вместе с кончиною Симеона»¹³.

Оболенский, как и многие слависты его времени, принял участие в дискуссии о происхождении славянской письменности, соотношении двух славянских азбук – глаголицы и кириллицы, признав первичной глаголицу. Доказательная база такого заключения солидна. Так, историк отмечает, что «древность глаголицы, сравнительно с кириллицей доказывается самой неизвестностью об эпохе ее составления, отсутствием всякого достоверного свидетельства об ее изобретателе, отсутствием вся-

кого доказательства в пользу появления ее после кириллицы, самим видом глаголического письма, гораздо менее простым и менее красивым, чем позднейшая Кирилловская азбука»¹⁴. Подчеркнем важнейший аргумент Оболенского в пользу вторичности кириллической азбуки «нигде еще не было найдено никаких полимпсестов, чтобы кирилловское письмо было стерто или выскоблено, но есть такие, которые писаны кириллицей по уничтоженной глаголице»¹⁵.

Оценивая в целом болгаристическую составляющую научного творчества князя М.А. Оболенского, подчеркнем, что многие его выводы базируются на солидном рукописном фундаменте и методе сопоставления разноязычных и одновременных памятников. «Болгаристическая нота» представляется оборванной, если не представить еще одно ее звучание – речь идет о помощи Оболенского молодым ученым, в том числе болгаристам. В этой связи обратимся к истории взаимоотношений князя и начинающего болгариста Вукола Михайловича Ундольского, прославившего впоследствии славистическую науку значимыми открытиями. Выпускник московской Духовной Академии в силу нездоровья прерывает церковное служение и посвящает свою творческую жизнь изучению русского и болгарского Средневековья, неустанно работая с материалами древних рукописей, собирая и анализируя драгоценные фолианты, невзирая на материальную нужду и нездоровье. Это было духовное служение, и на этом пути ученый достиг многого. Труды Ундольского, без сомнения, обогатили науку: ему удалось открыть сочинения Климента Охридского (894–916) – первого болгарского епископа, ученика святых братьев Кирилла и Мефодия, и Константина Преславского, болгарского писателя и церковного деятеля конца IX – начала X в. В значительной мере успехам творческой деятельности Ундольского способствовал князь Оболенский. Именно он в начале 40-х гг. XIX в., будучи уже директором архива МИД, заинтересовался занятиями начинающего ученого, усердно изучавшего рукописи МДА, конкретно, Собрания Троице-Сергиевой Лавры. В работах отечественного историка Т.Е. Строковской находим подробное описание обстоятельств знакомства и дальнейшей совместной деятельности Оболенского и Ундольского. Основываясь на материалах личного архива Ундольского, Строковская приводит интересные сведения, касающиеся этого творческого содружества. Так, она сообщает, что по свидетельству библиотекаря Лавры о. Иларию, Оболенский «заинтересовался пометками на рукописях и занятиями Ундольского»¹⁶. Расспросив библиотекаря о молодом любителе древностей и его планах относительно духовной стези, Оболенский записал имя Вукола Михайловича и оставил для него свой московский адрес. Этот адрес есть в записной книжке Ундольского: «У Николая, явленного на Арбаге в доме Михаила Андреевича

Оболенского» с пометкой о времени, когда удобнее застать князя дома. Дата в книжке – 07.02 (возможно, февраль 1841 г.)¹⁷ может быть датой личного знакомства Ундольского с Оболенским. Именно Оболенский пригласил Вукола Михайловича в Москву для работы в архиве МИД. Такая должность предоставила молодому ученому широкие возможности для продолжения исследований. Кроме места в архиве, Оболенский предложил ему службу у себя. Имея внушительную библиотеку рукописей и старопечатных книг, Михаил Андреевич поручил Ундольскому составить опись своего собрания, а со временем передал на его попечение и свое хозяйство. Таким образом, знакомство с князем Оболенским, состоявшееся в 1841 г., определило судьбу молодого исследователя на 15 лет, до 1857 г. Обязанности В.М. Ундольского были многочисленны. Но князь никогда не препятствовал, а напротив, поощрял ученые занятия своего управляющего и протеже. Последний имел возможность и средства путешествовать по России в поисках нужных ему рукописей, совмещая эти поездки с хозяйственными поручениями¹⁸.

Примечания

¹ Костомаров Н. Князь Михаил Андреевич Оболенский. М., 1873.

² См. Русский биографический словарь. СПб., 1905.

³ Ныне сборник сохраняется в РГАДА, собр. МГА МИД, № 279/658

⁴ Указ. Сборник. Л. 2 об.

⁵ Исследования и заметки князя М.А. Оболенского по русским и славянским древностям. М., 1875. С. 26 и сл.

⁶ Оболенский М.А. Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1851.

⁷ Там же. С. XVII.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Исследования и заметки... С. 122.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ Там же. С. 141–142.

¹² Там же. С. 194.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 404.

¹⁵ Там же. С. 405.

¹⁶ Барсуков Н.Т. Русские палеологи 40-х гг. СПб., 1880. С. 9.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 704. К. 28. Ед. 56. С. 28.

¹⁸ Строковская Т.Е. В.М. Ундольский и его открытие личности и дела болгарского книжника св. Климента Охридского // Вестник МГУ. История. 1999. № 4.